Пушкин А.С.

Культура. – 1998. – 4 – 10 июня. – С.6.

10.06.98

Свет Родионовна, забуду ли тебя?

Няня в венчике из роз

Няню Пушкина мы знаем с детства, будто не только поэта, но и нас самих она выходила. Ей принадлежит почетное место в любой биографии поэта. Стоит ли приниматься за такую банальную тему? Что нового удастся сказать? В очередной раз перебирая материалы, накопленные за долгие годы в толстой папке с ее именем, мы решили попытаться взглянуть на няню, так сказать, как на историко-литературное явление, может быть, как на одну из нерешенных загадок биографии Пушкина.

Исходные материалы о няне скудны, но, судя по всему, извлечено максимум возможного и интерпретировано по-разному, иногда не в лад с историческими фактами, – на то были свои причины. По неписаному закону пушкинистики окружение великого поэта сортировали, делили на друзей и врагов с последующей гипертрофией их достоинств или недостатков. Няня чистку выдержала с честью и не раз.

При жизни ее звали Арина. Под старость некоторые именовали ее Родионовна, как делается иногда в деревнях. Сам Пушкин ни разу не назвал ее по имени, а в письмах писал "няня" (один раз даже с заглавной буквы). В научной российской и западной литературе она именуется чаще как Арина Родионовна, без фамилии, либо, реже, под фамилией Яковлева.

Арина – ее домашнее имя, а подлинными были два: Ирина и, в других документах, Иринья. Ее фамилия, судя по податным спискам, Родионова. Под этой фамилией она была похоронена.

❖

Привязанность к ней Пушкина, или, как пишут, его любовь к няне, а значит, и роль ее в его жизни относятся к михайловской ссылке, которая продолжается два года. Сестра Ольга уточняет: он любил ее с детства, а оценил в Михайловском. Потрясающая точность пушкинских характеристик людей (Арине Родионовне 68 лет) не оставляет никаких сомнений, что это было так:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя...

Как заметил Котляревский, "Пушкин подкрашивал воспоминания". Перечитаем михайловскую переписку поэта, множество раз цитированную в подтверждение дружбы с Ариной Родионовной. Упоминания няни сперва перетекают у Пушкина из жизни в письма, затем в творчество, и биографу трудно разделить жизненные факты и литературные преувеличения. *"Знаешь ли мои занятия? – делится он с братом (ноябрь, 1824). – До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки няни и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания".*

❖

В михайловской ссылке няня – его помощница в практических делах, в быту. Ее доброта и забота о нем и приезжающих делают ее незаменимой. Пушкин однажды даже цитирует ее в письме Вяземскому: "Экой ты неуимчивый, как говорит моя Няня". Тогда же, в декабре 24-го года, он пишет сестре Ольге, без которой скучает, что "няня исполнила твою комиссию, ездила в Святые горы и отправила панихиду или что было нужно". В августе 25-го к письму на французском сестре Пушкин приписал по-русски: "Няня заочно у Вас, Ольга Сергеевна, ручки целует – голубушки моей". Пушкин был плохим помещиком, его обманывали приказчики, хозяйство влачило жалкое существование. Няня вникала в хозяйственные дела, сообщала барину о том, что творилось в деревне.

Любовь Пушкина к Михайловскому меняется. 1 декабря 1826 года он писал приятелю Зубкову, что выехал "из моей проклятой деревушки". А после ссылки он, вольный, иногда прячется в деревне от "пошлости и глупости" Москвы и Петербурга. Пушкин сообщает Вяземскому: *"Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни – ей-Богу приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву о* ***умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости,*** *молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом".* Скорей всего, в конце письма шутливое преувеличение о паломничестве священников к няне.

"В числе писем к Пушкину почти от всех знаменитостей русского общества находятся записки от старой няни, которые он берег наравне с первыми". Таков гимн Арине Родионовне Анненкова. Блистательный эвфемизм нашел он: "Мысль и самая форма мысли, видимо, принадлежат Арине Родионовне, хотя она и **позаимствовала руку** (выделено нами. – **Ю.Д.**) для их изложения". Две такие записки существуют. По-видимому, Арина Родионовна нашла владевшего грамотой мужика. Письмо няня передала с садовником Архипом, которому было поручено привезти книги Пушкина из Михайловского в Петербург (1827).

❖

Второе письмо написала для няни приятельница поэта в Тригорском Анна Николаевна Вульф, которая скучала без озорника и дамского угодника Пушкина не меньше Арины Родионовны. *"Александръ Сергеевичъ, получила Ваше письмо и деньги, которые Вы мне прислали. За все Ваши милости я Вамъ всемъ сердцемъ благодарна – Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду Васъ и Ваши милости ко мне. Ваша любезная сестрица тоже меня не забываетъ. Ваше обещание к намъ побывать летомъ очень меня радуетъ. Приезжай, мой ангелъ, к нам в Михайловское, всехъ лошадей на дорогу выставлю. Наши Петербур. летомъ не будутъ, они (все) едут непременно в Ревель Я Васъ буду ожидать и молить Бога, чтобъ он далъ нам свидиться. Праск. Алек. приехала из Петерб. – барышни Вамъ кланяются и благодарятъ, что Вы их не позабываете, но говорятъ, что Вы ихъ рано поминаете, потому что они слава Богу живы и здоровы. Прощайте, мой ботюшка, Александръ Сергеевичъ. За Ваше здоровье я просвиру вынула и молебенъ отслужила, поживи, дружочикъ, хорошенько, самому слюбится. Я слава Богу здорова, цалую Ваши ручки и остаюсь Васъ многолюбящая* ***няня*** *Ваша* ***Арина Родивоновна.*** *Тригорское. Марта 6".* По меньшей мере, на одно письмо няни Пушкин ответил.

Последний раз он видел няню в Михайловском 14 сентября 1827 года, за девять месяцев до ее смерти. Нет сведений, что он с ней повидался в Петербурге. Сбоку черновика стихотворения "Волненьем жизни утомленный" под датой 25 июня (1828 года) находим "Фанни Няня + Elisa e Claudio ня". Фанни – это, по мнению М.А.Цявловского, проститутка, которую он, возможно, в этот день посетил, Elisa – название оперы в Петербургском Большом театре, на которой он побывал, а в середине крестик. Предполагается, что Пушкин узнал о смерти няни, которая незадолго до этого была взята из Михайловского в Петербург в услужение вышедшей замуж Ольге Сергеевне и, согласно одной из версий, простудилась по дороге. На похороны Пушкин не поехал, как, впрочем, и его сестра. Похоронил ее один муж Ольги Н.И.Павлищев, оставив могилу безымянной. Принято считать, что "няня +" означает у Пушкина в рукописи смерть няни. Получается, что между проституткой и театром ему взгрустнулось о няниной смерти.

Дата, однако, остается неясной. Более ста лет неизвестна была дата смерти и на каком кладбище няня похоронена. Ульянский в своей книге "Няня Пушкина" доказал, что она умерла 31 июля 1828 года, о чем есть запись в церкви Иконы Владимирской Божьей матери: "Арина Родионова, 5 кл. чиновника Пушкина служащая женщина. Болезни: старость". Грановская считает, что няня умерла 29 июля, так как хоронили и отпевали тогда на третий день. Но как совместить это с 25 июня, отмеченным Пушкиным крестиком? Даже если предположить, что следует читать не "июнь", а "июль", все равно летом не могли хоронить через шесть дней. Попытки объяснить дату "25 июня" ни к чему не привели. Пушкин несомненно и искренне любил няню, но местом этой любви было Михайловское; в Петербурге она была ему не нужна.

❖

Отношение к няне Пушкина нескольких его друзей также связано с михайловским одиночеством поэта. Друзья знали о ней в основном из его стихов, подражали ему, их забота о ней преувеличивается. Дельвиг писал отбывшему из Михайловского Пушкину: "Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою". Невозможно не отметить потерю чувства меры: все-таки служанка – не мать, не жена, не возлюбленная. Пущин, однако, в досаде вспоминает, что во время его визита в Михайловское Арина раньше времени закрыла задвижки в печах, и оба приятеля чуть не угорели. Естественно, поэту, вернувшемуся в Москву, не до няни. Он в состоянии эйфории: встреча с царем, столичный загул, новые жизненные планы. В 1827 году П.А.Осипова, прислав Пушкину письмо, вложила в него стихи, которые Языков прислал Вульфу. Они посвящены няне:

Васильевна, мой свет,
забуду ль я тебя?
В те дни,
как, сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней
и славу и науки,
И немцев, и сей град
профессоров и скуки –
Ты, благодатная хозяйка
сени той,

Фото ИТАР – ТАСС

Где Пушкин не сражен
суровою судьбой,
Презрев людей, молву,
их ласки, их имены
Священнодействовал
при алтаре Камены –
Всегда приветами
сердечной доброты
Встречала ты меня,
мне здравствовала ты...

Понятно, что любовь Языкова к няне есть производное от его дружбы с Пушкиным, не будь она няней Пушкина, не было бы и стихов о ее добродетелях. Он назвал ее Васильевной, а она Родионовна. Языкову подсказали, и строку он исправил: "Свет Родионовна, забуду ли тебя?" Стихи опубликовал Дельвиг в своих "Северных цветах" на 1828 год. Но имя было не столь важно: она – "няня вообще", романтизированная героиня из народа. Прочитать стихи она не могла и, скорей всего, понятия не имела о том, что о ней публикуют.

❖

17 февраля 1918 года разоряют и сжигают Тригорское, 19 февраля грабят и затем поджигают Михайловское, или, как написано в советском путеводителе, "после Великой Октябрьской социалистической революции в пушкинские места пришел настоящий, заботливый хозяин – народ". "Издалека увидела, – пишет свидетельница, – как двое мужиков и баба вывозят кирпич и железо с обгулявшихся развалин "дома-музея"... Нашла в снегу осколки бюста, куски разбитой топорами мраморной доски от старого бильярда. Взяла на память страдальческий висок разбитой вдребезги его посмертной маски".

Флигель, где жила Арина Родионовна, был реставрирован в 1920 году. "Я вызвал начальника саперной роты Турчанинова, – вспоминает начальник штаба отдельной башкирской бригады Красной Армии, – и дал приказ: саперной роте выступить в Михайловское и восстановить домик няни". Скорей всего, впрочем, это приукрашено в тридцатые годы, когда уничтоженное по известным причинам стали восстанавливать. В 1949 году дом опять был "возрожден из пепла". Дизайн помещений, в которых якобы жила Арина Родионовна, планировался и осуществлялся лучшими архитекторами и декораторами Советского Союза. Флигель был переименован в "Домик няни". На том месте, где когда-то стояла "ветхая лачужка", создана творческая мастерская Великой Хранительницы русского народного духа, фольклора, языка, музы поэта и создательницы его гения.

Понятно, что серьезным изъяном, снижающим роль незаменимой наставницы Пушкина, оставалась иконография, точнее, отсутствие таковой. Портрета няни при жизни сделано не было, но хотелось, чтобы портрет был. Попытки утверждать, что то или иное изображение женщины есть няня, имели место. В Музее Пушкина в Петербурге портрет неизвестной женщины неизвестного художника со значительной степенью вероятности выдается за портрет Арины Родионовны. Предполагается, что горельеф ее из моржовой кости (который кто-то подарил Горькому, а последний отдал его в музей) был сделан местным резчиком вроде бы через двенадцать лет после ее смерти и тоже вряд ли имеет отношение к реальной няне.

Описаний внешности, если не считать осиповского "старушка чрезвычайно почтенная – лицом полная, вся седая", нет.

Иллюстрации к биографии и произведениям Пушкина, изображающие "дряхлую голубку" похожей на королеву, имеются в изобилии, но они – только фантазии художников, не более того. Няня кажется одной из главных героинь "Евгения Онегина", настолько часто встречаются ее изображения. Позже появились полотна маслом, скульптура, но мы не знаем, как выглядела реальная женщина.

Юрий ДРУЖНИКОВ

Эссе профессора Калифорнийского университета Юрия Дружникова "Няня Пушкина в венчике из роз" полностью будет опубликовано в журнале "Дружба народов".

Фото ИТАР – ТАСС

И все-таки оно вертится!

Возвращение "Русалки"

Пушкин оставил нам много загадок. В стихах, прозе, рисунках... Кто эта очаровательная девушка, исполненная достоинства и грации, так дерзко перечеркнувшая торопливые строки письма шефу жандармов Бенкендорфу? К кому обращены каждому памятные строки: "Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим"? Кем вдохновлено пронзительное "Посвящение" к "Полтаве"? А "Медный всадник", точно сам отлитый из астрономической бронзы, разве раскрыл все свои тайны?

С давних пор в этой высокой и трудной науке искать, находить, доказывать, убеждать самое живое и плодотворное участие принимают вместе с профессиональными пушкинистами, составлявшими пушкинистами, составлявшими славу и гордость отечественной культуры, писатели, поэты, художники.

Живая эта традиция продолжается. К значительным, я бы сказал, фундаментальным трудам академической пушкинистики добавился еще один, авторство которого принадлежит петербургскому поэту и актеру Владимиру Рецептеру. Четверть века он, создавший уникальный Пушкинский театральный центр, трудится над разгадкой тайны последнего значительного сочинения Александра Сергеевича Пушкина – драмы "Русалка". Кажется, теперь тайна раскрыта. Точно установлено, что одно из значительнейших драматических сочинений поэта было завершено им лишь в 1836 году. То есть накануне гибели. И, считавшееся незаконченным (сцены), печаталось все эти годы в довольно странном виде, хотя сам Пушкин указал порядок публикации сцен, читая незадолго до гибели "Русалку" друзьям в Москве.

Мало того, что Владимир Рецептер все это нашел, убедительно и талантливо доказал (его повесть "История читательских заблуждений" проглатывается разом всяким, кто любит поэзию), он еще и задумал впервые факсимильно издать "Русалку" по-пушкински. То есть так, как следовало бы с самого начала, да в рукописи Александра Сергеевича, да еще с иллюстрациями гениального Михаила Шемякина, создавшего нечто настолько органичное пушкинскому тексту, что кажется, будто сам поэт исчеркал свою рукопись десятками удивительной красоты графических композиций.

Теперь, когда книга "Возвращение пушкинской "Русалки" вышла, фолиант по праву – кроме имени поэта – несет на обложке еще два имени – Рецептер и Шемякин. Они создали нечто уникальное, сохранив верность Пушкину и в слове, и в рисунке, хотя, как признался Шемякин, он впервые обратился к сочинениям поэта в качестве иллюстратора.

Книга эта станет одним из заметных событий в венке тех дел, которые Россия готовит к 200-летию нашего национального гения.

Рецептер мне друг. Вот уже почти полвека. Но при всем том истина, как вы понимаете, дороже. И я не грешу против нее, говоря, что он сделал славное дело, за которое будут благодарны ему тысячи читателей. А чем я могу отблагодарить его? Есть у меня одна вещь, которая, думаю, дороже всех регалий для того, кто любит Пушкина.

Лет тридцать назад тверские реставраторы, восстанавливая мельницу на старой берновской плотине, той, что во времена Пушкина преграждала реку Тьму, нашли в земле часть деревянного мельничного колеса, прекрасно сохранившуюся, необыкновенно красивую по своей фактуре. Ну хоть сейчас в музей. Однако находку в музей они не отдали – кому нужна эта деревяшка! Правда, анализ показал, что деревяшка старше самого Александра Сергеевича лет на пятьдесят! И удостоверившись в сем, подарили они мне берновскую находку. Должно быть, за то, что после почти векового забвения привел я своей книжкой "Пушкинские места Верхневолжья" тысячи людей в село Берново по следам одной из легенд о пушкинской "Русалке".

Знакомые, печальные места!
Я узнаю окрестные предметы –
Вот мельница!
Она уж развалилась;
Веселый шум ее колес
умолкнул;
Стал жернов, – видно, умер
и старик.
Дочь бедную оплакал
он недолго.
Тропинка тут вилась –
она заглохла,
Давно-давно сюда
никто не ходит.

Так писал поэт полтора века назад. Я нашел эту тропинку. Теперь здесь – торная дорога к легендарному пруду.

Вот и решил я подарить кусок волшебного колеса моему старому другу. Сколько воды утекло в славной речке Тьме, а оно по-прежнему вертится!

Благодаря и его, Владимира Рецептера, усилиям.

Алексей ПЬЯНОВ

"Я бы предпочел умереть, чем не играть..."

Игроцкая жизнь Александра Сергеевича в документах

Н.Тырса. "Пиковая дама". 1936 г.

Что до меня, то мне на часть
Досталась пламенная страсть,

❖

Страсть к банку! Ни дары свободы,
Ни Феб, ни слава, ни пиры
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры;
Задумчивый, всю ночь до света
Бывал готов я в эти лета
Допрашивать судьбы завет:
Налево ляжет ли валет?
Уж раздавался звон обеден,
Среди разорванных колод
Дремал усталый банкомёт.
А я нахмурен, бодр и бледен,
Надежды полн, закрыв глаза,
Пускал на третьего туза

Пушкин и карты. Непростая тема для разговора. В самом нашем повышенном интересе к этой, как бы негативной стороне жизни великого русского поэта видится стремление к «ниспровержению святынь». В том, *с каким упоением* мы узнаём, что вот, дескать, был, оказывается, картёжником, проигрывал главы «Евгения Онегина», общался Бог весть с кем – с прожжёнными игроками, шулерами, – проглядывает мещанское, низменное сравнение бездарности с талантом, себя – с Ним. «А чем я хуже?». «Если ему можно, почему мне нельзя?»

Истинный ценитель поэзии склонен простить. За то, что Пушкин. Да, порок, но маленький, так – страстишка. Заслуги неизмеримо выше...

Такая точка зрения, на мой взгляд, просто оскорбительна. Да если бы не его азартная игра, мы бы не узнали многих весьма значительных движений этой бездонной души! Я уже не говорю о том, что его игра, его проигрыши оказывали большое влияние на творчество, на быт в конце концов. «В игре да в дороге узнаешь людей» – гласит пословица. В игре человек раскрывается. Драматические обстоятельства обнажают характер.

Известно, что Пушкин был, что называется, невезучим игроком. Проигрывал гораздо чаще, чем выигрывал. Иначе бы Опеке, назначенной после его смерти, не пришлось бы оплачивать такие большие долги поэта. Я представляю себе вполне обычную, заурядную ситуацию: человек проиграл, деньги кончились, ему предлагается поставить на кон какую-то вещь, какую-то ценность. Чаще даже бывает так, что проигравший сам просит об этом. В данном случае, как его описывает Герцен, в предложении Полторацкого я не вижу ничего, кроме любезности: Полторацкий хочет дать Пушкину шанс отыграться.

Гордый и благородный Пушкин отклоняет щедрый подарок! Действительно, как-то нехорошо перед памятью Рылеева – проиграть его письма в банк. Подарить – куда более благородный и широкий жест. Не следует забывать одну характерную черту времени. Помните, про Печорина Лермонтов сказал, что «это был человек, у которого на всё была готовая фраза». Удачная, меткая фраза ценилась очень высоко. А жест, поступок, поза могли дать пищу разговорам и светским пересудам на долгое время. Но я всё-таки склонен видеть в отказе Пушкина от ставки не благоразумие, не заботу о чистоте репутации, а высокий нравственный порыв.

В том, что пристрастие к азартной карточной игре вызывает подозрительные взгляды, нет вины нашего времени или коммунистического строя, поставившего азартную игру вне закона и приписавшего ей черты аморальности. Во времена Пушкина косых взглядов было не меньше, и «страсть к банку» бросала, разумеется, тень на его имя в общественном сознании, а ещё более – в глазах властей.

Вот несколько доказательств:

В полицейском списке московских картёжных игроков за 1829 год в числе 93 номеров значится: "1. Граф Фёдор Толстой – тонкий игрок и планист. – 22. Нащокин – отставной гвардии офицер. Игрок и буян. Всеизвестный по делам, об нём производившимся. – 36. Пушкин – известный в Москве банкомёт".

П.А.Ефремов.

О поэте Пушкине, сколько краткость времени позволила мне сделать разведание, – он принят во всех домах хорошо и, как кажется, не столь теперь занимается стихами, как карточной игрой, и поменял Музу на Муху, которая теперь из всех игр в большой моде.

А.А.Волков, жандармский генерал, в донесении Бенкендорфу, 5 марта 1827 г.

Иногда заставал я его за другим столиком – карточным, обыкновенно с каким-нибудь неведомым мне господином, и тогда разговаривать было нельзя; после нескольких слов я уходил, оставляя его продолжать игру. Известно, что он вёл довольно сильную игру и чаще всего продувался в пух! Жалко бывало смотреть на этого необыкновенного человека, распаленного грубою и глупою страстью!.. Светская молодёжь любила с ним покутить и поиграть в азартные игры, а это было для него источником бесчисленных неприятностей...

Кс.А.Полевой. Записки.

Я встретил прошлым вечером у барона Реханзена русского Байрона – Пушкина, знаменитого и вместе с тем единственного поэта в этой стране... Я не заметил ничего особенного в этой личности и в его манерах, внешность его неряшлива, этот недостаток является иногда у талантливых людей, и он откровенно сознаётся в своём пристрастии к игре; единственное примечательное выражение, которое вырвалось у него во время вечера, было такое: "Я бы предпочёл умереть, чем не играть".

Томас Рейкс. 24 дек. 1829 г.

Стиль игры Пушкина является дополнением к портрету. Играл Александр Сергеевич много и очень азартно. Случалось, в качестве ставок в дело шли главы из "Евгения Онегина".

Это было в Москве. Пушкин, как известно, любил играть в карты, преимущественно в штосс. Играя однажды с А.М.Загряжским, Пушкин проиграл все бывшие у него деньги. Он предложил, в виде ставки, только что оконченную им пятую главу "Онегина". Ставка была принята, так как рукопись эта представляла собою тоже деньги, и очень большие (Пушкин получал по 25 руб. асс. за строку), – и Пушкин проиграл. Следующей ставкой была пара пистолетов, но здесь счастье перешло на сторону поэта: он отыграл и пистолеты, и рукопись, и ещё выиграл тысячи полторы...

Н.П.Кичеев, со слов А.М.Загряжского. Рус. Стар., 1874, Т. 9, стр. 564.

Псковский помещик И.Е.Великопольский, не очень даровитый поэт и страстный картёжный игрок, выпустил в свет стихотворную "Сатиру на игроков", в которой описывал страшные последствия картёжной игры. Пушкин напечатал в булгаринской "Северной Пчеле" "Послание к В., сочинителю Сатиры на игроков", где высмеивал ханжество:

Некто, мой сосед, <...>
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник?...

Великопольский написал стихотворный ответ Пушкину и отправил его Булгарину для помещения в "Северной Пчеле". Булгарин передал стихи Пушкину с запросом, согласен ли он на их напечатание. Ответил Пушкин самому Великопольскому:

Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не могу согласиться:

Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе...

и ваше примечание – конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Мне кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда ли? По крайней мере, отзывается чем-то горьким ваше последнее стихотворение. Неужели вы хотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в восьмую главу Онегина? N.B. Я не проигрывал второй главы, а её экземплярами заплатил свой долг, так точно, как вы заплатили мне свой – родительскими алмазами и 35-ю томами энциклопедии. Что, если напечатать мне сие благонамеренное возражение? Но я надеюсь, что я не потерял вашего дружества и что мы при первом свидании мирно примемся за карты и за стихи...

Пушкин – И.Е.Великопольскому в конце марта – начале апр. 1828 г., из Петербурга.

Возможно, карточная игра оказала на жизнь и творчество поэта гораздо большее влияние, чем мы думаем или даже можем себе представить. Опустим вещи очевидные, такие, например, как сюжеты «Пиковой дамы» и «Выстрела» или многочисленные образы игры и игроков.

Существует предположение, что знаменитое путешествие в Арзрум было целиком запланировано и подготовлено шулерами, а Пушкину отводилась роль "свадебного генерала", своего рода приманки, на которую можно было приглашать цвет местного дворянства (с тем, чтобы вовлечь в игру и обыграть).

Господин поэт столь же опасен для государства, как неочиненное перо. Ни он не затеет ничего в своей ветреной голове, ни его не возьмёт никто в свои затеи. Это верно! Предоставьте ему слоняться по свету, искать девиц, поэтических вдохновений и игры. Можно сильно утверждать, что это путешествие (на Кавказ) устроено игроками, у коих он в тисках. Ему верно обещают золотые горы на Кавказе, а когда увидят деньги или поэму, то выиграют – и конец.

А.Н.Мордвинов – гр. А.Х. Бенкендорфу, 21 марта 1829 г.

Поездка Пушкина на Кавказ и в Малую Азию могла быть устроена, действительно, игроками. Они, по связям в штабе Паскевича, могли выхлопотать ему разрешение отправиться в действующую армию, угощать его живыми стерлядями и замороженным шампанским, проиграв ему безрасчётно деньги на его путевые издержки. Устройство поездки могло быть придумано игроками в простом расчёте, что они на Кавказе и Закавказье встретят скучающих богатых людей, которые с игроками не сели бы играть и которые охотно будут целыми днями играть с Пушкиным, а с ним вместе со встречными и поперечными его спутниками. Рассказ без подробностей, без комментариев, есть тяжёлое согрешение против памяти Пушкина. В голом намёке слышится как будто заподозривание сообщничества Пушкина в игрецком плане. Пушкин до кончины своей был ребёнком в игре и в последние дни жизни проигрывал даже таким людям, которых, кроме него, обыгрывали все.

кн. П.Вяземский. Собр. соч., 515.

Версия «шулерского плана» вполне вероятна, но она не бросает, на наш взгляд, никакой тени на самого Пушкина: возле него, как, наверное, и возле многих других знаменитостей и тогда, и сейчас, находили себе пропитание самые разные люди, иногда – сомнительной репутации.

Между нами будет сказано, Пушкин приезжал сюда по делам не чисто литературным, или вернее сказать, не за делом, а для картёжных сделок, и находился в обществе самом мерзком: между щелкопёрами, плутами и обдиралами. Это всегда с ним бывает в Москве. В Петербурге он живёт опрятнее.

Н.М.Языков (поэт) – брату А.М., 22 декабря 1831 г.

Юный Гоголь, трепетавший перед гением Пушкина, был сражён в самое сердце, узнав о страсти своего кумира.

Тотчас по приезде в Петербург, Гоголь, движимый потребностью видеть поэта, который занимал всё его воображение ещё на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и, наконец, у самых дверей квартиры развилась до того, что он убежал в кондитерскую и потребовал рюмку ликёра... Подкреплённый им, он снова возвратился на приступ, смело позвонил и на вопрос свой: "Дома ли хозяин?", услыхал ответ слуги: "Почивают!" Было уже поздно на дворе. Гоголь с великим участием спросил: "Верно, всю ночь работал?" – "Как же, работал, – отвечал слуга. – В картишки играл". Гоголь признавался, что это был первый удар, нанесённый школьной идеализации его. Он иначе не представлял себе Пушкина до тех пор, как окружённого постоянно облаком вдохновения...

П.В.Анненков со слов Гоголя.

Мне кажется, мы тоже слегка задержались в нашей школьной идеализации Пушкина. Но я глубоко убеждён, что новые, неизвестные ранее страницы жизни этого человека, касающиеся его увлечения игрой, не только не принижают его величия в наших глазах, а, напротив, позволяют лучше понять нашего великого Поэта.

Дмитрий ЛЕСНОЙ

По материалам В.В.Вересаева, Г.Ф.Парчевского, А.Г.Битова

54